

Ответственность за разглашение конфиденциальных сведений в международном уголовном праве

Копылова Е. А.*

Одним из наиболее часто встречающихся преступлений против отправления международного уголовного правосудия в практике международных уголовных судов является разглашение конфиденциальных сведений, которые в национальных правовых системах отнесены к категориям тайны следствия и судебной тайны. Общественную опасность этого деяния сложно переоценить — предание огласке таких сведений способно расстроить расследования международных преступлений и подвергнуть опасности жизнь и здоровье ключевых свидетелей. В настоящей статье предлагается анализ элементов данного преступления.

Ключевые слова: разглашение судебной тайны; разглашение тайны следствия; преступления против отправления международного правосудия; международное уголовное право; международное уголовное правосудие; Международный уголовный суд; Международный уголовный суд по бывшей Югославии.

Разглашение конфиденциальных сведений является наиболее часто встречающимся преступлением против отправления правосудия в практике международных уголовных судов¹. Речь идет об информации о существовании и ходе предварительного расследования, а также информации, полученной в процессе его проведения (тайна следствия), и об информации, не подлежащей разглашению по предписанию суда (судебная тайна). Предание этих сведений огласке угрожает проведению всестороннего и объективного расследования международных преступлений, безопасности участников международного уголовного судопроизводства, в первую очередь, потерпевших и других свидетелей, их окружения, а также репутации и авторитету международных судебных органов.

Преступление разглашения судебной тайны либо тайны следствия представляет собой деяние, которое заключается в умышленном предании гласности сведений, входящих в предмет судебной тайны либо тайны следствия, и которое: 1) посягает на отношения, возникающие в связи

* Копылова Екатерина Алексеевна — магистр наук (Ляйденский университет, Нидерланды), помощник по правовым вопросам Канцелярии Прокурора Международного уголовного суда (2014–2015 гг.), соискатель кафедры международного права МГИМО МИД России. ilc48@mail.ru.

с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами; и 2) представляет угрозу для международного мира и безопасности, т. к. в результате его совершения могут быть сведены на нет усилия государств по расследованию наиболее серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества. Более того, потенциальные свидетели могут утратить доверие к международным трибуналам, неспособным обеспечить конфиденциальность их персональных данных.

Международными уголовными судами отмечалось, что разглашение сведений, даже представляемых как конфиденциальные, вне зависимости от их действительного статуса, является не менее опасным для международного правосудия, чем разглашение конфиденциальных сведений. Так, в рамках дела «Об И. аль Амине и Акбар Бейрут С. А.Л.» (находится на рассмотрении в Специальном трибунале по Ливану) обвиняемым вменяется разглашение сведений, выдаваемых за конфиденциальные, без уточнения их действительного статуса, в связи с тем, что такое разглашение может спровоцировать утрату доверия общественности к способности трибунала обеспечить секретность личных данных потенциальных свидетелей и сообщаемой ими информации. Принадлежащий издательскому дому «Акбар Бейрут» ежедневник «Аль Акбар» опубликовал две статьи за авторством главного редактора И. аль Амина, которые содержали информацию соответственно о 17 и 15 индивидах, представляемых в качестве анонимных свидетелей (свидетелей, персональные данные которых не подлежат разглашению по предписанию суда, в результате чего они дают показания под псевдонимом, с искаженным голосом и изображением)² обвинения по делу «Прокурор против Аяша и других» (далее — дело «Аяш и другие»)³. Обвинение было предъявлено, несмотря на то, что факт утечки информации официально не был подтвержден.

В деле «Прокурор против И. Мариджакича и М. Ребича» Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (далее — МТБЮ) подчеркнул, что «любое умышленное поведение, создающее реальный риск утраты доверия к способности трибунала обеспечить эффективную защиту личных данных, является серьезным вмешательством в отправление правосудия. Доверие общественности является ключевым для успешной деятельности трибунала»⁴.

Несмотря на очевидную общественную опасность данного деяния, в документах, регулирующих деятельность международных уголовных судов, его противоправность и наказуемость была закреплена не сразу. В Правилах процедуры и доказывания МТБЮ норма, предусматривающая наказание за разглашение сведений, касающихся судебных

разбирательств, в нарушение судебного предписания о неразглашении, появилась только в результате изменений от 4 декабря 1998 г. Эта норма впоследствии была заимствована Правилами процедуры и доказывания Международного уголовного трибунала по Руанде, Специального суда по Сьерра-Леоне (далее — СССЛ) и Специального трибунала по Ливану (далее — СТЛ)⁵.

В Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г. разглашение конфиденциальных сведений не относится к преступлениям против отправления правосудия (ст. 70), но может, при определенных обстоятельствах, квалифицироваться как ненадлежащее поведение (ст. 71). В ходе дачи показаний один из анонимных свидетелей обвинения по делу «Прокурор против Л. Гбагбо и Ш. Бле Гуде» назвал в открытом судебном заседании свое имя, которое стало таким образом известно находящейся в зале публике. Председательствующий судья, вместо того, чтобы предупредить присутствующих об ответственности за разглашение сведений о личности свидетеля, приказал приставам переписать имена всех представителей прессы⁶. С одной стороны, судья не мог сделать такое предупреждение, ввиду того, что ответственность за разглашение конфиденциальной информации Римским статутом не предусмотрена. С другой стороны, международные уголовные трибуналы ad hoc систематически заявляли о своем праве наказывать любые посягательства на отправление ими правосудия как о естественно им присущим в силу самой их природы, и, следовательно, не зависящим от наличия и формы его закрепления в документах, регулирующих их деятельность⁷. Согласно этому подходу, председатель мог бы предупредить публику о недопустимости разглашения услышанного ей имени свидетеля, и наложить наказание в случае неподчинения, основываясь на своих естественных полномочиях.

Как отмечалось выше, преступление заключается в предании огласке сведений, входящих в предмет тайны следствия либо судебной тайны. В международном уголовном праве эти термины не используются — в Правилах процедуры и доказывания трибуналов говорится лишь о «разглашении сведений, касающихся судебных разбирательств, в нарушение судебного предписания о недопустимости разглашения» (аналог судебной тайны)⁸. Таким образом, формально стадия предварительного расследования, в которой судьи принимают ограниченное участие, остается незащищенной, хотя она во многом предопределяет не только развитие и исход, но и само существование дальнейшего разбирательства.

Однако, опираясь на упомянутую выше доктрину естественных полномочий, международные уголовные суды неоднократно отмечали, что список наказуемых деяний, посягающих на отправление ими правосудия,

который содержится в их Правилах процедуры и доказывания, не является исчерпывающим⁹. Поэтому можно предположить, что разглашение тайны следствия, ввиду своей высокой общественной опасности для отправления правосудия, в случае совершения также могло бы повлечь наступление ответственности.

Преступление разглашения может быть совершено как в форме действия, так и в форме бездействия. Ниже на конкретном примере из практики СТЛ будет показано, как не изъятие конфиденциальных сведений из общедоступных источников, таких, как сеть Интернет, может являться составной частью длящегося преступления разглашения.

Это преступление имеет формальный состав, т.е. считается оконченным в момент совершения действия, в данном случае — когда конфиденциальные сведения сообщаются третьему лицу либо помещаются в публичный доступ нарушителем. Например, самой публикации таких сведений в сети Интернет достаточно для наступления ответственности, вне зависимости от того, были ли они прочитаны хотя бы один раз. Сведения, распространяемые по электронной рассылке, считаются разглашенными, когда сообщение было отправлено. Масштаб разглашения, т.е. количество лиц, ознакомившихся с конфиденциальными сведениями, может иметь значение при определении наказания, также как и цели разглашения и его последствия (например, причинение вреда свидетелю, отказ национальных правоохранительных органов сотрудничать с трибуналом в результате разглашения сведений, переданных под условием сохранения их конфиденциального статуса и т.д.).

В зависимости от способа совершения разглашение тайны следствия либо судебной тайны может быть простым, длящимся или продолжаемым преступлением. В СТЛ рассматривалось дело против частной телевизионной компании «Аль Джадид С. А.Л.» и заместителя директора ее новостного отдела К. аль Хаят, выпустивших в эфир серию из пяти репортажей о свидетелях по делу «Аяш и другие». Запись репортажей также была выложена в сети Интернет. В день выпуска последнего репортажа судья СТЛ вынес предписание самой телевизионной компании, ее руководству, сотрудникам, агентам и иным связанным с ней лицам изъять записи с сайта канала, а также из любого другого публично доступного источника¹⁰. Несмотря на это, записи оставались в сети еще больше года.

Выпуск в эфир каждого из репортажей, содержащего конфиденциальные сведения, позволяющая установить личность анонимных свидетелей, является самостоятельным единичным простым преступлением. Если идентификация свидетелей была бы возможна только в результате просмотра всех пяти репортажей вместе, то речь бы шла о продолжаемом

преступлении (преступление, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление). Что касается нахождения записей репортажей в сети Интернет, то преступление разглашения следует считать начавшимся в момент загрузки репортажей в сеть и продолжалось до их изъятия, что позволяет охарактеризовать его как длящееся (действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного под угрозой уголовного преследования).

Тайна следствия — это режим конфиденциальности информации, позволяющий органу, осуществляющему предварительное расследование, объективно и всесторонне расследовать обстоятельства события преступления, устанавливать лиц, подозреваемых в его совершении, и собирать доказательства их причастности к его совершению.

В предмет тайны следствия входят сведения, которые касаются существования, подготовки, проведения и результатов предварительного расследования, как первичных — собранных в ходе внешних контактов представителей Канцелярии Прокурора с правоохранительными органами государств, свидетелями, осмотров мест происшествия и иных следственных действий — так и производных, сформированных после обобщения и анализа первичных данных.

Свойством конфиденциальности могут обладать только сведения, изначально известные только определенному кругу лиц. В зависимости от размера этого круга, конфиденциальные сведения в рамках МУС подразделяются на собственно конфиденциальные, доступные и известные только сотрудникам Суда и не подлежащие разглашению третьим лицам; «за печатью», доступные и известные ограниченному числу лиц (каждый орган суда либо участник судопроизводства, например, сторона защиты, представители потерпевших, обязаны вести учет лиц, имеющих либо имевших доступ к материалам «за печатью»); и секретные, доступные и известные совсем узкому кругу лиц¹¹. Обращение с секретными материалами, в т. ч. их скачивание и печать, ограничено. Принадлежность разглашенной информации к той или иной категории не влияет на преступность деяния, но может играть роль на стадии назначения наказания.

Международные уголовные процессы во многом полагаются на общедоступные данные из средств массовой информации, неправительственных международных организаций, действующих на территориях вооруженных конфликтов или в местах широкомасштабных или систематических нарушений международного права. Очевидно, что содержание этих материалов не может составлять тайну следствия. Тайной следствия

может являться факт обращения Канцелярии Прокурора к этим материалам и их роль в расследовании.

В ходе предварительного расследования представители Канцелярии Прокурора общаются с лицами, обладающими сведениями, которые могут иметь значение для следствия. В процессе общения с такими лицами и в интересах следствия им могут сообщаться сведения, носящие конфиденциальный характер. На судебной стадии для регулирования в т. ч. условий такого раскрытия в рамках каждого дела судьями принимаются протоколы об обращении с конфиденциальной информацией¹². В целях выработки единой практики по рассмотрению дел в МУС, судьи и стороны воздерживаются, по возможности, от внесения в их содержание существенных изменений. Этими протоколами предусматривается, что при раскрытии участником процесса конфиденциальной информации третьему лицу, этому участнику надлежит уведомить такое лицо о ее характере и недопустимости ее дальнейшего разглашения, полностью либо частично¹³. Надо полагать, что такая же процедура соблюдается и на стадии предварительного расследования.

Утечка данных предварительного расследования имела место, например, в практике МУС в рамках дела «Прокурор против Ж. — П. Бемба Гомбо, Э. Килоло Мусамба, Ж. — Ж. Мангенда Кабонго, Ф. Бабала Ванду и Н. Аридо». Один из сотрудников МУС проинформировал на тот момент администратора дела «Прокурор против Ж. — П. Бемба Гомбо» Ж. — Ж. Мангенда о проводимом против него и ведущего защитника Э. Килоло расследовании по подозрению в даче взяток свидетелям защиты в обмен на ложные показания в пользу Ж. — П. Бемба¹⁴. У Прокурора есть основания полагать, что после этого подозреваемые предприняли попытку скрыть следы преступления¹⁵.

Судебная тайна — это режим конфиденциальности информации, обеспечивающий защиту прав и интересов, а также безопасность участников международного уголовного судопроизводства.

В предмет судебной тайны входят сведения, не допустимые к разглашению в силу специального судебного предписания. Требование наличия специального судебного предписания о недопустимости разглашения некоторых сведений на стадии судебного разбирательства связано с характерным для этой стадии принципом гласности. В международном уголовном процессе эта стадия начинается с выдачи ордера на арест либо вызова подозреваемого и заканчивается решением в отношении поданной на приговор апелляционной жалобы. В ее рамках гласность является правилом, а конфиденциальность — исключением, и поэтому объем сведений, не подлежащих огласке, должен быть специально и явно

оговорен. Напротив, принцип гласности не распространяется на стадию предварительного расследования, все данные которого носят конфиденциальный характер, в отсутствие решения компетентного органа об обратном. Таким органом является Канцелярия Прокурора соответствующего суда, обладающая всей полнотой данных для объективной оценки возможных последствий разглашения тех или иных сведений для дальнейшего хода расследования.

Предписание суда о засекречивании каких-либо сведений выносится по обоснованному заявлению стороны либо по собственной инициативе суда. При публикации документов, содержащих такие сведения, эти сведения заменяются словом «конфиденциально». Каждый из участников процесса несет ответственность за редактирование исходящих от него документов.

Кроме того, некоторая информация редактируется не только по отношению к третьим лицам, но и по отношению к другим участникам процесса. В целях обеспечения защиты прав и интересов всех участников, а также более эффективного и скорого отправления правосудия, судьями принимаются протоколы, устанавливающие категории информации, которая может скрываться, временно или постоянно, от других участников процесса¹⁶. Если, по каким-либо причинам, один из участников желает скрыть информацию, не подпадающую ни под одну из этих категорий, он должен заявить об этом ходатайство с указанием причин.

Такие протоколы могут способствовать установлению категорий информации, которые обычно входят в судебную тайну. Это, в первую очередь, данные, позволяющие идентифицировать свидетелей, безопасность которых может быть скомпрометирована в связи с их участием в процессе. С учетом влиятельного положения и финансовых возможностей большинства обвиняемых в международных процессах, для многих свидетелей сотрудничество с международными уголовными судами представляет реальный риск для безопасности их самих и их окружения. Меры, направленные на защиту персональных и других идентифицирующих данных свидетелей, включая смену места жительства, призваны стимулировать такое сотрудничество и обеспечить сохранность доказательственной информации, носителем которой является свидетель.

Помимо персональных данных, к данной категории относится также и информация, позволяющая установить нахождение свидетеля в определенном месте в определенное время, информация о его окружении, способах связи со свидетелем, контактная информация. Сведения, позволяющие идентифицировать личность анонимных свидетелей, наиболее часто преступно предаются огласке¹⁷.

Такие данные могут также засекречиваться и в отсутствие угрозы для безопасности свидетеля, исходя из этических соображений — например, если в результате их разглашения положение свидетеля ухудшится: он потеряет работу или правовой статус в государстве пребывания.

В некоторых государствах политическими и общественными деятелями, средствами массовой информации культивируется негативное отношение к деятельности международных уголовных судов среди населения. Причастность к такой деятельности в качестве свидетеля может спровоцировать исключение лица из общественной жизни.

Показания отдельных свидетелей касаются фактов совершения над ними насилия, в т. ч. сексуального характера, что в отдельных регионах мира считается недостойным. Чтобы избежать стигматизации таких свидетелей в местах их проживания, их персональные и иные идентифицирующие данные не разглашаются.

Судебную тайну могут составлять и сведения о подробностях личной жизни участников процесса, если они не имеют непосредственного отношения к делу, но их изложение тем не менее необходимо для установления, например, источника осведомленности свидетеля об обстоятельствах, о которых он дает показания.

В предмет судебной тайны могут входить персональные и контактные данные родственников и другого окружения свидетелей, а также любых третьих лиц, не имеющих отношения к процессу, однако упоминаемых в материалах дела, например, в протоколах допросов свидетелей.

К судебной тайне могут относиться персональные данные лиц, участвующих в предварительном расследовании непосредственно на местах совершения преступлений, а также работающих с потерпевшими и свидетелями, переводчиков, стенографов, психологов, врачей, посредников¹⁸, осведомителей (индивиды, частные юридические лица, международные межправительственные и неправительственные организации, органы государственной власти, исследовательские и образовательные институты) и др. Такие меры призваны обеспечить их безопасность, а также дальнейшее участие в расследованиях.

Также предписанием суда могут быть засекречены сведения, полученные от государств, международных правительственных и неправительственных организаций, индивидов и юридических лиц для использования в процессе под условием конфиденциальности. Это необходимо для гарантии сотрудничества этих лиц и организаций с судом.

По решению суда в интересах правосудия может быть также ограничено разглашение любой другой информации.

Одинаково наказуемым является предание огласке как неограниченному (опубликование в средствах массовой информации, в виде печатного издания, предназначенного на продажу, в сети Интернет и т. д.), так и ограниченному кругу лиц (сообщение одному лицу либо группе лиц в частном порядке)¹⁹. В качестве примера первого варианта можно привести дело «О Ф. Хартман» (МТБЮ). Ф. Хартман работала в МТБЮ в качестве официального представителя Прокурора трибунала К. дель Понте в период с 2000 по 2006 гг.²⁰ В 2007 г. она опубликовала книгу «Мир и наказание», в которой раскрыла содержание, цель и конфиденциальный характер двух решений Апелляционной палаты МТБЮ по делу «Прокурор против Милошевича». Эти же сведения она воспроизвела в статье «Соккрытие ключевых документов о геноциде» 2008 г.²¹ На основании этих фактов Ф. Хартман была признана виновной в разглашении сведений в нарушение судебного предписания и приговорена к выплате штрафа в размере 7000 евро²².

На примере этого дела видно, что как минимум в практике МТБЮ сведения являются тайной до тех пор, пока трибунал не примет решение об их публичном характере, вне зависимости от того, продолжают ли они фактически оставаться конфиденциальными. Иными словами, то, что сведения были однажды преступно разглашены, не меняет их статус, и каждый последующий акт разглашения будет являться самостоятельным преступлением до тех пор, пока эти сведения не станут публичным достоянием по решению трибунала²³.

Предписание трибунала о недопустимости разглашения сведений адресовано определенному кругу лиц, обладающих этими сведениями. В результате разглашения, например, публикации в журнальной статье, этот круг расширяется. В этой связи, возникает вопрос, в какой мере предписание суда распространяется на лиц, которым изначально конфиденциальные сведения стали известны вследствие преступного разглашения. Иными словами, будет ли являться преступной последующая ссылка на такие сведения в других публикациях, научных исследованиях, обзорах деятельности международных трибуналов и т. д.?

Определяющим может быть наличие вины в действиях лица, ссылающегося на такие сведения. Так, книга Ф. Хартман вышла в свет на французском языке. Ее последующие перевод и публикация на других языках могли бы квалифицироваться как акт преступного разглашения, если они были совершены с намерением донести конфиденциальные сведения до более широкой аудитории. Также, если автор знает о конфиденциальности цитируемых им сведений, он должен понимать, что в результате его ссылки на них в своем произведении, эти сведения рискуют стать

достоянием большего количества людей. Осознанное принятие такого риска в практике международных уголовных судов именуется безответственным равнодушием²⁴ и влечет наступление ответственности. Ниже эта форма вины будет рассмотрена более подробно.

Разглашение информации ограниченному кругу лиц может быть проиллюстрировано на примере дела «Независимый адвокат против Х. П. Бангура, С. Каргбо, С. Б. Кану и Б. Б. Камара» (СССЛ), в рамках которого Б. Б. Камара — бывший сержант Вооруженных сил Сьерра-Леоне, осужденный СССР к 45 годам лишения свободы за совершение ряда международных преступлений²⁵, — был признан виновным в раскрытии имени одного из свидетелей, давшего показания в ходе его процесса, третьему лицу в телефонном разговоре²⁶.

Приведенные примеры свидетельствуют, что преступное разглашение может как устным, так и письменным.

Субъектом преступления разглашения может быть любое лицо, которому известно о конфиденциальном режиме разглашаемых сведений. То, что лицу эти сведения стали известны в связи с выполнением им своих служебных обязанностей, может расцениваться какотягчающее обстоятельство при назначении наказания, т. к. на таких лицах лежит особая ответственность по обеспечению секретности конфиденциальной информации.

Лицо должно знать, что разглашаемые им сведения составляют судебную тайну либо тайну следствия. В рамках международных уголовных трибуналов *ad hoc* факт принадлежности сведений к судебной тайне устанавливается судебным предписанием, которое может быть как устным, так и письменным²⁷, и должно распространяться на раскрытую информацию²⁸. Отсюда, лицо должно быть осведомлено о существовании и содержании такого предписания. В доказательственном плане, констатация осведомленности лица о существовании предписания суда о недопустимости разглашения сведений и его содержании практически всегда означает констатацию умысла²⁹.

При этом необязательно, чтобы лицо физически ознакомилось с предписанием³⁰. Умышленное игнорирование обстоятельства является достаточным для наступления уголовной ответственности. Эта форма вины заключается в том, что лицо подозревало существование обстоятельства или знало, что вероятность его существования крайне высока, однако не предприняло никаких действий, направленных на выяснение этого, потому что желало иметь возможность впоследствии отрицать свое знание о существовании обстоятельства либо просто не желало обнаружить его существование³¹. Проф. А. Эзер отмечает, что «нельзя предоставить

лицу, закрыв глаза [на какое-либо обстоятельство] легкую возможность избежать ответственности едва ли менее серьезной, чем ответственность лица, знающего [об этом обстоятельстве]»³².

В деле о разглашении конфиденциальных сведений А. Нобило, защитником Т. Бласкича, Апелляционная палата МТБЮ отметила, что умышленное игнорирование может быть приравнено к знанию³³. В этом деле в ходе повторного прямого допроса свидетеля Альфа, А. Нобило заявил ходатайство о приобщении к делу карты, изображенной свидетелем К в деле «Прокурор против Алексовски» (далее — дело «Алексовски»), раскрыв имя последнего, его статус свидетеля и его род занятий. О карте и его авторе А. Нобило узнал от защитника по делу «Алексовски», в разговоре с которым вопрос об анонимности свидетеля К не затрагивался. А. Нобило был признан виновным Палатой первой инстанции. Однако Апелляционная палата с этим выводом не согласилась³⁴. В части, посвященной умышленному игнорированию А. Нобило факта анонимности свидетеля К, судьи отметили, что А. Нобило было известно о представлении карты в открытом заседании в деле «Алексовски», и это позволяло ему разумно полагать, что и личность ее автора является достоянием общественности. А. Нобило было также известно, что свидетель К давал показания в качестве эксперта, а не потерпевшего, и что в международных уголовных процессах эксперты, как правило, не пользуются мерами защиты. Все это указывает на отсутствие у А. Нобило подозрений о существовании предписания о неразглашении персональных данных свидетеля К, и тем более знания о высокой вероятности его существования, что является необходимой составляющей умышленного игнорирования.

В практике международных уголовных трибуналов безответственное равнодушие к существованию судебного предписания о недопустимости разглашения либо к последствиям нарушения такого предписания также признается преступным³⁵. В странах романо-германской правовой семьи эта концепция известна как *dolus eventualis*³⁶. При безответственном равнодушии (безответственности) лицо предвидит преступный результат как возможное либо вероятное последствие своего поведения³⁷. Авторами труда «Международное уголовное право Кассезе» предлагается следующее определение, заимствованное из Уголовного кодекса штата Нью-Йорк (взятое, в свою очередь, из Модельного уголовного кодекса³⁸): «лицо действует безответственно по отношению к последствиям либо обстоятельствам, предусмотренным в соответствующей уголовно-правовой норме, когда оно знает о наличии значительного и неоправданного риска наступления последствий или существования обстоятельства,

и сознательно его игнорирует. Природа и степень этого риска должна быть такой, что его игнорирование представляет собой серьезное отступление от того, как повел бы себя любой разумный человек в данной ситуации»³⁹. Лицо может не желать наступления последствий — ключевым является осознанное и намеренное принятие риска⁴⁰.

Таким образом, преступление разглашения судебной тайны либо тайны следствия состоит из следующих элементов: 1) лицо предало огласке сведения, составляющие судебную тайну либо тайну следствия; 2) лицо: а) знало, что разглашаемая им информация является тайной следствия либо судебной тайной; б) подозревало, что разглашаемая им информация является тайной следствия либо судебной тайной, или знало, что вероятность этого крайне высока, однако не предприняло никаких действий, направленных на выяснение этого, потому что желало иметь возможность впоследствии отрицать свое знание о конфиденциальном режиме этой информации либо просто не желало обнаружить ее подпадание под этот режим; или в) знало о наличии значительного и неоправданного риска нарушения им конфиденциального режима разглашаемой информации и сознательно его проигнорировало.

В отличие от внутрисударственных правопорядков, в международных расследованиях вовлечено множество лиц, не имеющих непосредственного отношения к расследованию как таковому. Это, например, сотрудники Секретариатов международных судебных органов, которые регистрируют ходатайства, получаемые от Канцелярии Прокурора, и уведомляют о них судей, а также присутствуют при устных слушаниях; дипломатические агенты, обеспечивающие связи между Канцелярией Прокурора и компетентными правоохранительными органами своих государств, в т. ч. передачу собранных доказательственных материалов в суд; национальные правоохранительные органы, оказывающие помощь в проведении расследования и др. Обеспечить конфиденциальность информации в таких условиях гораздо сложнее, чем в национальном уголовном процессе. Тем более необходимо обстоятельное и всестороннее регулирование способов ее защиты и мер, применимых в случае разглашения. Описанная выше существующая на сегодняшний день международно-правовая регламентация характеризуется фрагментарностью и отсутствием единообразия между трибуналами, а иногда и в рамках одного трибунала между судебными палатами, тогда как высокая общественная опасность разглашения судебной тайны или тайны следствия для международного уголовного правосудия обуславливает необходимость унификации, создания всеобъемлющего по предмету охвата правового режима.

Responsibility for Disclosing Information Constituting Judicial Secret in International Criminal Law (Summary)

*Ekaterina A. Kopylova**

Disclosing confidential information, which in the national jurisdictions is referred to as secret of the investigations and judicial secret, is one of the most frequently committed offences against the administration of criminal justice. The danger of such conduct is self-explanatory. It is capable of undermining the investigations into international crimes and of putting in jeopardy life and well-being of the key witnesses. This article proposes an analysis of the elements of this offence.

Keywords: Disclosing a judicial secret; disclosing a secret of the investigations; offences against the administration of international justice; international criminal law; international criminal justice; Rome Statute; International Criminal Court; International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia.

¹ Из 14 дел, возбужденных Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии по факту вмешательства в отправление правосудия, 7 было связано с разглашением конфиденциальных сведений (Prosecutor v. Naxhiu (IT-04-84-R77.5); Re Florence Hartmann (IT-02-54-R77.5); Prosecutor v. Jović (IT-95-14; IT-95-14/2-R77); Prosecutor v. Margetić (IT-95-14-R77.6); Prosecutor v. Marijačić and Rebić (IT-95-14-R77.2); Prosecutor v. Šešelj (IT-03-67-R77.2); Prosecutor v. Šešelj (IT-03-67-R77.3)); в рамках Специального суда по Сьерра-Леоне из 7 подобных дел 2 относились к рассматриваемой категории (Independent Counsel v. Bangura, et al. (SCSL-2011-02-T); In The Matter of Contempt Proceedings Arising from the Case of The Prosecutor v. Taylor (SCSL-12-01-T)); в Специальном трибунале по Ливану оба дела, возбужденные по факту вмешательства в отправление правосудия, были связаны с разглашением конфиденциальных сведений (Re Al Jadeed [Co.] S.A.L./New TV S.A.L. (N.T.V.), Karma Mohamed Thasin Al Khayat (STL-14-05); Re Akhbar Beirut S.A.L. and Mr Ibrahim Mohamed Ali Al Amin (STL-14-06)).

² В англоязычной терминологии используется термин «protected witness» — буквально, защищенный свидетель. На русском языке эта калька представляется неблагозвучной. В этой связи термин «анонимный свидетель» представляется более удачным, несмотря

* Ekaterina A. Kopylova — Master of Science (Leiden University, The Netherlands), former Legal Assistant at the Office of the Prosecutor of the International Criminal Court (2014–2015), post-graduate student of the Chair of International Law Chair, MGIMO-University MFA Russia. ilc48@mail.ru.

на то, что он не совсем точный, т.к. персональные данные таких свидетелей известны участникам международного процесса.

³ S.T.L. Re Akhbar Beirut S.A.L. and Mr Ibrahim Mohamed Ali Al Amin, STL-14-06/I/CJ, Redacted Version of Decision in Proceedings for Contempt with Orders in lieu of an Indictment, 31 January 2014, para.54.

⁴ I.C.T.Y. Prosecutor v. Marijačić and Rebić, IT-95-14-R77.2, Trial Chamber Judgment, 10 March 2006, para.50 (Marijačić Trial Judgment).

⁵ Rule 77 of the I.C.T.Y. Rules of Procedure and Evidence; rule 77 of the I.C.T.R. Rules of Procedure and Evidence; Rule 77 of the S.C.S.L. Rules of Procedure and Evidence; rule 60bis of the Rules of Procedure and Evidence of S.T.L.

⁶ Procès Gbagbo: la bourde du témoin P547 et les soupçons du juge. URL: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2016/02/04/proces-gbagbo-la-bourde-du-temoin-p547-et-les-soupcons-du-juge_4859285_3212.html#DOOqYKTA9cuvlKmx.99 (дата обращения — 4.02.2016); I.C.C. Prosecutor v. Gbagbo and Blé Goudé, ICC-02/11-01/15-T-13-Red-ENG, 3 February 2016, p.25, lns.6–8.

⁷ I.C.T.Y. Prosecutor v. Tadić, IT-94-1-A-AR77, Judgment on Allegations of Contempt against Prior Counsel, Milan Vujin, 31 January 2000, paras.13, 18; I.C.T.Y. Prosecutor v. Blaškić, IT-95-14-AR108bis, Judgment on the Request of The Republic of Croatia for Review of the Decision of Trial Chamber II of 18 July 1997, 29 October 1997, paras.25, 33, fn.27; I.C.T.Y. Prosecutor v. Tadić, IT-94-1-A, Judgment, 15 July 1999, paras.321–322; I.C.T.Y. Prosecutor v. Simić, et al., IT-95-9-PT, Separate Opinion of Judge David Hunt on Prosecutor's Motion for a Ruling Concerning the Testimony of a Witness, 27 July 1999, para.25; S.T.L. Re Akhbar Beirut S.A.L. Ibrahim Mohamed Al Amin, STL-14-06/I/CJ/, Redacted Version of Decision in Proceedings for Contempt with Orders in Lieu of an Indictment, 31 January 2014, para.10; S.C.S.L. Independent Counsel v. Samura, SCSL-2005-01, Judgment in Contempt Proceedings, 26 October 2005, para.14.

⁸ Rule 77 of the I.C.T.Y. Rules of Procedure and Evidence; rule 77 of the I.C.T.R. Rules of Procedure and Evidence; Rule 77 of the S.C.S.L. Rules of Procedure and Evidence; rule 60bis of the Rules of Procedure and Evidence of S.T.L.

⁹ I.C.T.Y. Prosecutor v. Tadić, Case No. IT-94-1-A-R77, Judgment on Allegations of Contempt Against Prior Counsel, Milan Vujin, 31 January 2000, para.24; I.C.T.Y. Prosecutor v. Marijačić and Rebić, IT-95-14-R77.2, Trial Chamber Judgment, 10 March 2006, para.15; I.C.T.Y. Prosecutor v. Aleksovski, IT-95-14/1-AR77, Judgment on appeal by Anto Nobilo against finding of contempt, 30 May 2001, para.39; I.C.T.Y. Prosecutor v. Margetić, IT-95-14-R77.6, Sentencing judgement, 7 February 2007, para.13; S.C.S.L. Independent Counsel v. Brima, et al., SCSL-04-16-AR77, Decision on Defence Appeal Motion pursuant to Rule 77(J) on Both the Imposition of Interim Measures and an Order pursuant to Rule 77(C)(iii), 23 June 2005, para.26; S.C.S.L. Independent Counsel v. Samura, SCSL-2005-01, Judgment in Contempt Proceedings, 26 October 2005, para.16; S.T.L. Re Al Jadeed [Co.] S.A.L./New TV S.A.L. (N.T.V.), Karma Mohamed Thasin Al Khayat, STL-14-05/T/CJ, Public Redacted Version of Judgment, 18 September 2015, para.34; S.T.L. Re Al Jadeed [Co.] S.A.L./New TV S.A.L. (N.T.V.), Karma Mohamed Thasin Al Khayat, STL-14-05/PT/AP/AR126.1, Decision on Interlocutory Appeal Concerning Personal Jurisdiction in Contempt Proceedings, 2 October 2014, para.32.

¹⁰ S.T.L. The Prosecutor v. Ayyash, et al., STL-11-01/PT/PTJ, Order for Immediate Removal of Disseminated Material and Cessation of Dissemination, 10 August 2012.

¹¹ Regulation 14 of the I.C.C. Regulations of the Registry.

¹² См., например: I.C.C. Prosecutor v. Bemba Gombo, et al., ICC-01/05-01/13-1093-Anx, Protocol on the Handling of Confidential Information during Investigations and Contact between a Party and Witnesses of the other Parties, 20 July 2015.

- ¹³ Ibid., para.9.
- ¹⁴ I.C.C. Prosecutor v. Bemba Gombo, et al., ICC-01/05–01/13-T-10-Red-ENG, 29 September 2015, p.66, lns.14–24.
- ¹⁵ Ibid., p.72, ln.24—p.73, ln.1.
- ¹⁶ См., например: I.C.C. Prosecutor v. Ruto and Sang, ICC-01/09–01/11–458-AnxA-Corr, Protocol Establishing a Redaction Regime in the Case of the Prosecutor v. Ruto and Sang, 5 October 2012; I.C.C. Prosecutor v. Ntaganda, ICC-01/04–02/06–411-AnxA, Protocol Establishing a Redaction Regime in the Case of the Prosecutor v. Ntaganda, 12 December 2014; I.C.C. Prosecutor v. Gbagbo, ICC-02/11–01/11–737-AnxA, Protocol Establishing a Redaction Regime in the Case of the Prosecutor v. Laurent Gbagbo, 15 December 2014.
- ¹⁷ См., например: I.C.T.Y. Prosecutor v. Margetić (IT-95–14-R77.6); I.C.T.Y. Prosecutor v. Marijačić and Rebić (IT-95–14-R77.2); I.C.T.Y. Prosecutor v. Haxhiu (IT-04–84-R77.5); I.C.T.Y. Prosecutor v. Jović (IT-95–14; IT-95–14/2-R77); I.C.T.Y. Prosecutor v. Šešelj (IT-03–67-R77.2); I.C.T.Y. Prosecutor v. Šešelj (IT-03–67-R77.3); S.T.L. Re Al Jadeed [Co.] S.A.L./New TV S.A.L. (N.T.V.), Karma Mohamed Thasin Al Khayat (STL-14–05); S.T.L. Re Akhbar Beirut S.A.L. and Mr Ibrahim Mohamed Ali Al Amin (STL-14–06).
- ¹⁸ Под посредником понимается индивид либо организация, которые по просьбе отделения МУС либо адвоката защиты, выполняет один из следующих видов деятельности: 1) коммуникации и связи с общественностью на территориях, где действует Суд; 2) помощь в следствии посредством идентификации перспективных направлений расследования и/или свидетелей, а также посредством установления с ними контакта; 3) формулирование ходатайства от имени потенциальных потерпевших, запроса о получении дополнительной информации и уведомление их о решениях, касающихся представительства их интересов, участия в процессе и возмещения понесенного ущерба; 4) общение со свидетелями или потерпевшими в ситуации, когда непосредственное общение с Судом способно подвергнуть риску их безопасность; 5) осуществление связи между представителями интересов потерпевших и потерпевшими относительно вопросов участия в процессе и возмещения понесенного ущерба; 6) оказание содействия Фонду для возмещения ущерба потерпевшим в отправлении его функций по возмещению ущерба осужденным в соответствии с решением Суда, а также в использовании иных средств для поддержки потерпевших. См.: Guidelines Governing the Relations between the Court and Intermediaries for the Organs and Units of the Court and Counsel working with intermediaries. March 2014. P. 6. URL: http://www.legal-tools.org/uploads/tx_ltpdb/GRCI-Eng_02.pdf (дара обращения — 7.03.2016).
- ¹⁹ I.C.T.Y. Marijačić Trial Judgment, para.17; I.C.T.Y. Prosecutor v. Haxhiu, IT-04–84-R77.5, Judgement on allegations of contempt, 24 July 2008, para.10 (Haxhiu Trial Judgement); I.C.T.Y. Re Florence Hartmann, IT-02–54-R77.5, Judgment on Allegations of Contempt, 14 September 2009, para.20 (Hartmann Trial Judgment).
- ²⁰ Hartmann Trial Judgment, para.1.
- ²¹ Ibid., paras.2–4.
- ²² Ibid.; Re Florence Hartmann, IT-02–54-R77.5-A, Judgment, 19 July 2011.
- ²³ Haxhiu Trial Judgement, para.10; Hartmann Trial Judgment, para.20.
- ²⁴ I.C.T.Y. Prosecutor v. Blaškić, IT-95–14, Judgement, 3 March 2000, para.254 (Blaškić Judgment).
- ²⁵ S.C.S.L. Prosecutor v. Brima, Kamara and Kanu, SCSL-04–16-T, Judgment, 20 June 2007, p.570–571 (Brima, et al. Judgment); S.C.S.L. Prosecutor v. Brima, Kamara and Kanu, SCSL-04–16-T, Sentencing Judgment, 19 July 2007, p.36.
- ²⁶ S.C.S.L. Prosecutor v. Bangura, Kargbo, Kanu, Kamara, SCSL-2011–02-T, Judgment in Contempt Proceedings, 25 September 2012.
- ²⁷ Marijačić Trial Judgment, para.17.
- ²⁸ Ibid., para.20.
- ²⁹ I.C.T.Y. Prosecutor v. Aleksovski, IT-95–14/1-AR77, Judgment on appeal by Anto Nobilo against finding of contempt, 30 May 2001, para.54 (Nobilo Judgment).
- ³⁰ Marijačić Trial Judgment, para.18.
- ³¹ Nobilo Judgment, para.43.
- ³² Eser A. Mental Element—Mistake of Fact and Mistake of Law // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary / Ed. by A. Cassese, P. Gaeta, J. Jones. Vol.I. OUP Oxford, 2002. P. 931.
- ³³ Ibid., para.52.
- ³⁴ Ibid., para.51–52.
- ³⁵ Ibid., para.54; S.C.S.L. In The Matter of Contempt Proceedings Arising from the Case of The Prosecutor v. Taylor, SCSL-12–01-T, Judgment in Contempt Proceedings, 19 October 2012, para.39.
- ³⁶ См.: I.C.T.Y. Prosecutor v. Blaškić, IT-95–14-A, Judgment, 29 July 2004, para.39. В российском уголовном праве *dolus eventualis* именуется косвенным умыслом, когда лицо осознает общественную опасность своего действия или бездействия, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, и, хотя не желает, но сознательно допускает их либо относится к ним безразлично.
- ³⁷ Blaškić Judgment, op.cit.
- ³⁸ Model Penal Code, § 2.02(c). URL: http://www.dubberkeman.com/restricted/student_cd/web/MPC/PART1/snippets/mental.htm (дара обращения — 13.03.2016).
- ³⁹ Recklessness or Indirect Intent // Cassese’s International Criminal Law / 3rd ed. Oxford University Press, 2013. P. 46.
- ⁴⁰ Ibid.